

— Ты о том, как кокетничал на сцене?

Цзи Саньмэй промолчал.

— Я всё видел.

Цзи Саньмэй снова промолчал.

— Впредь ты будешь вести себя так только со мной.

В хаосе и темноте четыре витражных окна, вмурованных в стены торгового зала, одновременно разбились под напором магии. Цзи Саньмэя, подхваченного нечеловеческой силой, понесло по воздуху к одному из них.

Мэй — демоны, что действуют скрытно, подобно ночным ворами. Их демоническая аура слаба и неуловима. У них нет собственного тела; лишь съев плоть смертного и заняв его оболочку, они могут действовать при свете дня. За это их и зовут «похитителями лиц» — среди демонов-практиков они пользуются дурной славой.

Когда именно этот мэй занял тело ребёнка и бесстыдно уселся на сцене, Цзи Саньмэй не знал. Теоретически, мэй хватает одного похода в уборную, чтобы обглодать человека до костей, оставив лишь кожу да скелет, а затем занять его место.

Сейчас Цзи Саньмэй мог быть уверен лишь в одном: изначально этот мэй не охотился за его небесным духовным корнем. Иначе первой жертвой стал бы он сам.

У него было предчувствие, что Шэнь Фаши купил всех рабов именно ради этого мэй.

Мэй любят жить сообща. Их жизненный уклад схож с пчелиным: низшие мэй — рабочие особи, они охотятся и кормят человеческим мясом «королеву», что отвечает за размножение. Лишь насытившись, «королева» снисходит до утех с ними.

Очевидно, если бы этого мэй приобрёл какой-нибудь невнимательный покупатель, он мог бы беспрепятственно проникнуть в его дом, вдоволь наладомиться человечинной, а затем вернуться и накормить «королеву».

А Цзи Саньмэй был лишь запасным вариантом — пищей, которую мэй намеревался принести «королеве», заодно заполучив себе отличную кожу. Красота да и только.

Цзи Саньмэй не собирался сопротивляться. Его жалкие магические навыки годились лишь для того, чтобы морочить людям голову. Применить их против мэй — всё равно что добровольно накинуть петлю на шею.

Пока ум его лихорадочно анализировал ситуацию, он одной рукой разорвал цепочку из нефритовых бус, которую с самого начала тайком сжимал в ладони.

Следуя обычной тактике охоты на демонов, стоило лишь оставлять метки по пути, и Шэнь Фаши непременно выследит его, а затем разгромит логово мэй.

...Цзи Саньмэй вообще не беспокоился о своей безопасности. Он всегда доверял Шэнь Фаши.

Однако едва он уронил первую бусину, как в темноте зазвенел буддийский колокольчик, и тихий гул молитв разлился по залу. Звук, словно струящийся шёлк, начал давить на виски Цзи Саньмэя.

Очевидно, мэй страдал сильнее. Он ускорил шаг, безумно ринувшись к разбитому окну. Когда до свободы оставался всего шаг, он жадно высунул голову вперёд, жаждая глотка воздуха, свободного от буддийских напевов.

В своём слепом стремлении он на полном ходу врезался головой в вращающийся буддийский магический круг.

Невидимый заклинательный барьер прилип к его лбу, превратившись в материальный жёлтый талисман, что запечатал сущность мэй, не позволяя ей покинуть эту оболочку.

Муха, что в панике ударилась о оконную раму, оглушённая свалилась на землю, по неосторожности уронив свою добычу.

Цзи Саньмэй вырвался из рук мэй, но, в отличие от него, не шлёпнулся носом в грязь.

Он оказался в тёплых объятиях.

А затем в зале вновь вспыхнул свет свечей.

В ярком сиянии господы и дамы, что катались по полу и ползали на четвереньках, словно в одно мгновение обрели стыд. Они прикрыли лица, ловко избегая встретиться взглядами с соседями, и, храня молчаливое согласие, покинули зал, унося на себе следы беспорядка.

В том же ярком сиянии Цзи Саньмэй прищурился и поднял голову, увидев вплотную перед собой Шэнь Фаши.

Левое предплечье Шэнь Фаши крепко обхватывало его поясницу, а бицепс, чуть выпирающий под рукавом, был удивительно мягок, создавая удобную опору.

Кашая плывущих облаков на Шэнь Фаши колыхалась без ветра, свободно облегая тело, края её развевались, монашеская ткань трепетала, обнажая едва уловимую ложбинку между грудных мышц.

Цзи Саньмэй смотрел на его лицо снизу вверх и на миг отключился. Через мгновение он пробормотал сам себе:

— ...Три цуня и три фэня.

С их последней встречи Шэнь Фаши подрос на три цуня и три фэня.

...Вот зависть.

Сам он перестал расти в пятнадцать, а этот, бывший когда-то коротышкой, вымахал до таких высот. Не зря он ему приглянулся.

Цзи Саньмэя не волновало, почему Шэнь Фаши, третий молодой господин из рода Чжуинь семьи Шэнь, появился в главном городе Юньяна. Его не интересовало, зачем тот обрил свои пышные волосы и почему его так почитают.

Было достаточно того, что он пришёл.

Услышав эту бессвязную фразу, Шэнь Фаши едва заметно нахмурил брови:

— Ты...

Мэй, увидев, что добычу у него отняли, в ярости не посмел приблизиться и рванул прочь, но снова издал пронзительный вопль — со спины его брызнула струя крови длиной в несколько чи.

...Его спину, от правого плеча и до поясницы, рассекла длинная кровавая рана.

Огненная коса длиной в восемь чи пылала в воздухе. Ван Чуаньдэн, вращая её одной рукой над головой, описал полный круг, стряхнул с лезвия кровь и с неизменно мягкой улыбкой пнул мэй, сбив с ног. Он не поддался облику ребёнка, грубо наступил на грудь мэй и, держа косу в одной руке, поднёс пылающий кончик лезвия к его левому глазу, остановившись ровно в трёх цунях.

Цзи Саньмэй уже потерял интерес к мэй. Он прильнул к уху Шэнь Фаши, и его голос прозвучал двусмысленно, с туманной, соблазняющей интонацией:

— ...Почему ты не использовал меня как приманку, чтобы найти их логово?

Теперь Цзи Саньмэй и впрямь больше походил на настоящего мэй.

Шэнь Фаши, поддавшись этому настроению, взглянул на него:

— ...Ибо нет нужды.

Цзи Саньмэй усмехнулся и обернулся, глядя на Ван Чуаньдэна.

Неудивительно, что голос показался ему знакомым.

Ван Чуаньдэн был заклинателем семьи Шэнь и с давних пор следовал за Шэнь Фаши. Его голос Цзи Саньмэй слышал несчётное количество раз.

Его нрав Цзи Саньмэю тоже нравился.

А уж о мастерстве и говорить нечего. Заклинатель, коего в своё время приблизил к себе третий молодой господин Шэнь, не мог быть заурядным. Тем более, что он удостоился почтительного «господин Лампа» в возрасте, когда до «господина» ещё далеко. Всё это говорило само за себя.

Мэй, привыкший к лицемерию и благородству праведников, столкнувшись с таким откровенным дикарём, что сразу взялся за дело, оказался бессилён — его чары не сработали. Он мог лишь с ненавистью смотреть на Ван Чуаньдэна, решив стоять до конца.

На лице Ван Чуаньдэна играла мягкая улыбка, но руки его были быстры. Без лишних слов он взмахнул косой — с плеча мэй слетел кусок мяса.

Удар был точен — пласт мяса тонок, как крылышко цикады.

Он не стал слушать крики мэй, а нежно положил кончик косы ему на грудь и, словно лаская, вывел круг:

— Где твоё логово?

Мэй, корчась от боли, едва переводил дыхание, как Ван Чуаньдэн снова взмахнул косой — слетел ещё один пласт.

Размер и форма в точности повторяли предыдущий.

В его зрачках прыгали самые что ни на есть мягкие огоньки и улыбка:

— Где логово? Ещё помнишь?

— Если не помнишь, не напрягайся.

— У меня времени много.

— Думай не спеша.

За время этих четырёх фраз с мэй срезали меньше полуляна мяса, но он уже не выдерживал.

Он понял: Ван Чуаньдэн способен ободрать его до костей, прежде чем он испустит дух.

С трудом подавив крик, он прохрипел:

— Гора Белого Императора... Пик Пиндун! Молю, заклинатель, пощади! Пощади!

Шэнь Фаши, держа Цзи Саньмэя на руках, спокойно повернулся.

<http://bllate.org/book/16281/1466072>